

УДК 111.7

Б.И. МОЛОДЦОВ

ОБ ОБРАТНОМ ОБНАРУЖЕНИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Молодцов Борис Иванович – доцент кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, доцент, кандидат философских наук

У статті досліджується здатність людської свідомості виявляти вимір, який перевищує реалії існуючої практики, навіть у несприятливих для цього обставинах, коли мислені форми, що з необхідністю відтворюються цими реаліями, пригнічують здатність свідомості свідчити про реальність.

Ключові слова: уречевлення свідомості, «хвороба рефлексії», форма, зворотний образ.

В статье исследуется способность человеческого сознания обнаруживать превышающее реалии существующей практики измерение даже в неблагоприятных для этого условиях, когда необходимо воспроизводимые этими реалиями мыслительные формы подавляют способность сознания свидетельствовать о реальности.

Ключевые слова: овеществление сознания, «болезнь рефлексии», форма, обратный образ.

In this paper we investigate the ability of the human mind to discover the dimension which exceeds realities of existent practices, even under unfavorable conditions for this, when necessarily reproduced by these realities mental forms suppress the mental ability to evidence of the reality.

Key words: objectification of consciousness, «sickness of reflection», form, reverse image.

© Б.И. Молодцов, 2012

Постановка проблеми. Исследуя тему присутствия в действительности превышающего ее эмпирический уровень духовного измерения, нас постоянно беспокоило чувство досады от того, что таковое измерение не обнаруживается сознанием в современных условиях. Сейчас сознание оказывается поглощенным либо позитивностью, либо исключительно собственной противоположностью позитивности, не замечая при этом, что противопоставляя себя позитивности, лучше сказать фактически существующей действительности, сознание оказывается лишь в положении антипода к нему. Лучше сказать, что тем самым оно обнаруживает с фактически существующим одно основание и оказывается его alter ego, его изнанкой. Тем не менее стремление преодолеть существующее положение дел предстает для многих чем-то явно несбыточным и чуть ли не отголоском религиозной веры в божественную способность воплощения, преодоления противоположности вечного и суетного.

Но так ли это? Только ли к вере следует обращаться человеку, убедившемуся в том, что все великое, превосходящее поток реальности и тем самым дающее возможность видеть реальность как картину, слишком хорошо для этого мира? Может все-таки следует преодолеть гордыню человеческого разума, с презрением относящегося ко всему мирскому и внимательнее всмотреться в реалии сложившегося положения дел?

Может эти реалии лишь с определенной, поэтому ограниченной точки зрения, с позиции вознесшегося над реальностью разума, достойны только презрения? Может для разума пришло время разочароваться не только в своей способности обнаружить великое в малом, метафизическое в физическом, а разочароваться и в самом разочаровании? Представляется, что поставив эти вопросы, мы тем самым определили проблему нашего ис-

следования в данной статье – это вопрос о самой способности сознания увидеть существующие реалии в превышающем их уровень измерении. Отсюда следует, что сама эта способность составляет объект исследования, а его предмет – особенности ее реализации в неблагоприятных условиях, когда превышающее реальность измерение непосредственно не обнаруживает себя.

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что проблема состояния сознания современного человека, его способности или неспособности подняться над эмпирией быта, узреть надэмпирическое, трансцендентальное, метафизическое измерение реальности, будучи весьма актуальной, получила освещение в целом ряде недавних публикаций. Так, статьи Вахтанга Кабуладзе, опубликованные в журнале «Філософська думка», раскрывают проблематику установления сознанием предметности, в частности соотношения в этом процессе допредикативного, т. е. не различающего предмет в его специфических свойствах, опыта сознания и опыта трансцендентального, задающего сами условия различения [1;2].

Как видим, сознание в данном случае рассматривается интенцирующим предмет: человек мыслит не предметы реальности, а предметным образом. На наш взгляд эта феноменологическая позиция является исходной и для другого автора И. Иващука, который считает возможным для сознания преодолеть свое овеществление, опираясь исключительно на способность к беспредметной субъективности [3;4]. Осознанием угрозы редукции сознания до положения проводника какого-либо воздействия, обеспокоенностью широко распространенным сегодня явлением погружения сознания массы людей в состояние анонимной безответственности проникнута статья С. С. Бескаравайного [5]. Тема пребывания сознания в темноте обступающей его ночи, осуществления им даже в

таких условиях способности различать реальность, специально исследуется в статье Л.В. Карасева, имеющей целью анализ того явления, которое так изумляло Н.В. Гоголя – способности реальности быть видимой даже в свете ночи [6]. Данная статья интересна тем, что способность реальности быть освещенной, видимой понимается продиктованной какими-то глубинными, превосходящими культуру и идеологию, силами. В понимании автора силы эти могут быть осознаны лишь в опыте христианской веры. Тем самым, становится очевидным иной, отличный от феноменологического, во многом даже противоположный ему, онтологический подход автора статьи к пониманию способности сознания видеть действительность в свете превышающего ее реалии измерения. Но статьи обнаруживают и общность двух представляемых ими подходов к пониманию природы сознательности, феноменологического и онтологического. Оба они рассматривают реальность исключительно как нечто подлежащее освещающей ее деятельности сознания, сама по себе реальность не светоносна, свет ниспадает на нее извне, образуя тем самым в ней предметы.

Цель исследования. Нам представляется очевидным, что даже краткий и далеко неполный анализ последних публикаций, предметно исследующих проблему преодоления человеческим сознанием чуждого себе овеществленного состояния, ориентирует исследовательский интерес на то, чтобы не проходить мимо тех возможностей, которые имеет в себе материалистический подход в понимании природы образования метафизического, трансцендентального измерения реалий действительности и способности сознания его обнаруживать.

Посему цель статьи состоит в том, чтобы исследовать с позиций материалистической онтологии и гносеологии, лучше сказать онтогносеологии, реальные основания, дающие возможность сознанию видеть реальность пред собой, сознавать ее в качестве предмета своей деятельности, а не просто испытывать на себе ее воздействие. Причем особый интерес составляет реализация этой способности даже в неблагоприятных для нее условиях, когда для вида, видимости реальности не обнаруживаются никаких оснований.

Изложение основного материала исследования. Начнем с того к чему пришла человеческая мысль в понимании самой природы сознательности. Сознание означает какую-то связь или соотношение человека с иной реальностью поверх или через голову реальности, которая его повседневно окружает. Благодаря этой связи нечто выделяется в реальности, но таким образом, что человек отстраняется от привычного для него, обыденного мира собственных интересов и стремлений и видит привычный мир как бы со стороны, в свете какого-то иного измерения, превышающего обыденную точку зрения. Тем самым, сознание обладает способностью видеть реальность в форме общности и необходимости, потому оно одновременно есть и различение, и свидетельство о реальности. Такое понимание сознания, по нашему мнению,

представляет собой общее исходное основание для более глубокого и содержательного его понимания в различных философских теориях. И различаются они как раз пониманием природы удивительной способности человеческого сознания преодолевать даже факт собственной включенности в реальность. А ведь именно он имеет своим следствием то, что сознание, становясь элементом реальности, овеществляется и оказывается способным лишь участвовать в механизме ее воспроизведения. Иными словами, будучи включенным в реальность, сознание оказывается в состоянии лишь выражать последствия своего реального положения, порождая необходимо следующие из этого положения мыслительные формы. Тем большую значимость приобретают поиски основания для реализации способности сознания преодолевать состояние, чреватое травмой для его природы, основания способности сознания оставаться сознательным.

Отметим далее, что в деле обнаружения сознанием выхода из состояния овеществления представляется весьма полезным опыт немецких мыслителей – наследников гегелевской философской школы, которые еще в первой половине XIX века также искали для сознания возможность преодолеть чуждое для себя состояние подобия вещи. А последние, в свою очередь, неблагоприятную современность, ввергавшую сознание в состояние рабского преклонения пред действием деспотического механизма абсолютной монархии, подавлявшего самую возможность поисков основания для суждения о существующей практике, сравнивали с периодом разложения античной культуры во времена поздней Римской империи. Уже тогда, как результат подавленного для сознания состояния, возникло скептическое отношение ко всякой реальной возможности для него подняться до позиции, открывающей перспективу единения единичного и всеобщего в реальности, с которой становятся различимы всеобщее и необходимое в ней. Уроки древнего мира казались людям, вышедшим из школы Гегеля (не только левого, но и других ее направлений) прозрачной аллегорией, отмечал в книге «Искусство и общественный идеал» Мих.А.Лифшиц, который специально исследовал вопрос о поисках в среде немецкой интеллигенции 30-х годов XIX века путей эмансипации сознания из состояния овеществления [7].

И чем дальше роковое движение общества уходило от царства свободы и разума, провозглашенного французской революцией, тем больше общественный интерес перемещался с Афин и Спарты на Римскую империю, каковую сам Гегель в своих лекциях по истории философии называет реальным скептицизмом. Иными словами, «реальный скептицизм» был общим жизненным фоном римской эпохи, но он же, подчеркивает Лифшиц, имел для сознания свои утешительные стороны. Особенно примечательна в этом контексте позиция К. Маркса, который в своей докторской диссертации, на материале сравнительного анализа натурфилософских систем Демокрита и Эпикура, сделал вывод о том, что счастливой стороной несчастливой для сознания времени оказывается

субъективная форма, модальность, в которой философия, как субъективное сознание, относится к действительности [8, с.110].

Это значит, что основание для деятельности сознания в условиях, когда оно обнаруживает себя находящимся в состоянии интеллектуального скептицизма может обнаружиться или сформироваться только из оппозиции ко всему окружающему образу жизни.

Но нас смущает то, что тем самым ставится под сомнение позиция, восходящая к Декарту, в соответствие с которой предполагается, что содержания духовной жизни человека (затрагивается ли этим процесс мысли, поведение, ингересы или чувства человека) могут быть воспроизведены и фиксированы сознанием, как целенаправленная конструкция предмета, имеющая своим исходным пунктом некоторое естественным образом существующее совпадение мысли и предмета, некоторое «истинное положение дела», уже существующее до актуальной перестройки стихийного процесса сознания. Своим следствием оно имеет то, что сознание как способность суждения, как свидетельствование о реальности в свете выявляющей ее всеобщие и необходимые характеристики перспективы, вытесняется из окружающего мира в себя, существуя вопреки этому миру, не соответствующему требованиям разумного самосознания.

Этот относительный избыток духовного развития имеет разные последствия для сознания. С одной стороны он порождает у сознания чувство усталости вследствие перегруженности багажом умственного содержания, какой-то старческой дряхлости и внутренней слабости, происходящей оттого, что содержание это представит для сознания, как бы насквозь прозрачным, до конца исчерпанным, потому воспроизводящимся машинально, оттого неспособным оживлять сознание, увлекая его силой собственной самобытности.

В результате сознание действительно переживает состояние, названное Ж. Бодрийаром состоянием «после оргии», когда все уже случилось и наступает чувство пресыщения. И здесь нетрудно вообразить, что именно перевес сознательной мысли над стихийным действием мешает человеку жить, а привычка к безволию и своего рода отбор, закрепляющий это безволие в больших группах людей, особенно среди интеллигенции, кажется подтверждением неизбежности антагонизма между мышлением и свободной жизнедеятельностью. И тогда развитая до крайности интеллектуальная субъективность обращается против самой себя, порождая в умах людей, профессионально занятых в интеллектуальной сфере, болезненное ощущение избытка сознательности, явление, названное Мих. А. Лифшицем, «болезнью рефлексии» [9]. Находясь во власти этой болезни, сознание полагает, что уж лучше миру остаться таинственным и непонятным, а человеку, живущему в этом мире, действовать слепо, творить без всякого контроля сознания, если анализ нашего положения мешает нам двигаться.

Однако возможно и иное, более благодатное для сознания следствие, порождаемое состоянием

его конфронтации с действительностью. Именно на него указывал молодой К. Маркс, когда говорил о субъективной форме, модальности как о счастливой стороне несчастного для сознания состояния изгнания.

Поэтому, когда возникает вопрос о том, как же все-таки разумно поступать в условиях, когда реальность не способствует деятельности разума, не обнаруживает основания для таковой, его теоретическая разработка Марксом представляют особый интерес. Обратившись к ней, прежде всего обнаруживаем, что им отмечается какое-либо стремление втиснуть реальность в прокрустово ложе той или иной теоретической схемы, лучше бессознательная, невольная преданность тому, что действительно есть и бывает в жизни, чем искусственные попытки тем или иным способом сформировать действительность. Получается, что для него ложное сознание хуже бессознательного чувства истины. Аллегорическое выражение этой же позиции он обнаруживает в атомистике Эпикура.

Если для других наследников гегелевской школы, как и для самого Гегеля, атомистика Эпикура, особенно учение об отклонении атома от прямой линии, представляет собой крайнее развитие принципа эмпирического «Я», произвола частных лиц, способного только нарушить единство античной политики, то Маркс находит в учении об отклонении атома совсем другой смысл. Он реабилитирует Эпикура как мыслителя, видящего в разумном применении «эгоизма» основу человеческого общества. Отклоняясь от «несамостоятельного» движения по прямой линии, атом проявляет себялюбие, свой собственный интерес.

Но только посредством этого отклонения он сталкивается в пространстве с другими атомами и может вступать с ними в различные сочетания. Тем самым через способность к произволу создается, так сказать, общественность атомов, т. е. нечто превосходящее их себялюбие, отрицающее их взаимное отталкивание [8, с. 169 – 176].

Нам представляется, что логике этого рассуждения вполне подлжит и сфера сознания. И тогда получается, что действуя в соответствии со своими предвзятостями, сознание каждого индивида (человека как атома) посредством отрицательного отношения ко всему другому создает вокруг себя атмосферу абсолютного отрицания, доходящего до отрицания и самого отрицания. В самом деле, ведь отрицая все другое помимо себя, выставляя собственную уникальность, каждый из всех атомов-индивидов тем самым обратным образом утверждает сходство, подобие, отношение всеобщности.

Тем самым обнаруживается то, что кроме материи как субстрата окружающего нас материального мира, есть еще необъятное многообразие всевозможных отношений, форм, структурных связей, которыми живет материя, которые, по существу, материальны, но не являются веществом. В опоре на этот формальный мир бытия, для сознания, угнетенного состоянием «реального скептицизма», открывается возможность по мере того как им утрачивается способность видеть реальность в свете иного, превышающего

обыденный взгляд измерения, по мере того как все другое за исключением ближайшего для человека, того, чем он непосредственно озабочен осознается как ад; чем более сознание реально оказывается погруженным в собственные предвзятости – тем более превышающее обыденность измерение обнаруживает себя обратным путем, через подъем внутренней жизни индивидуального сознания. В нем посредством совершенствования субъективного мастерства все больше растет способность обнаруживать выход за пределы собственных предвзятостей после того и в зависимости от того, как в живом взаимодействии-испытании мира со стороны самого человека-субъекта выявляется связь, отношение, делающее возможным воспроизведение субъектом самого себя и своего отношения к действительности, чтобы в следующий момент времени быть тем, чем был до того и наследовать мысли, имевшиеся до того.

Тем самым, воспроизводя все то, что образует определенную манеру, типичный стиль в подходе к делу, человек через подъем малого, т. е. обратным образом, создает для сознания основание преодолеть привязанность к плоскости бытия и освободиться от проистекающих из этой привязанности предвзятостей, преодолеть свое овеществленное состояние. Таковое оказывается возможным как раз в силу того, что сознание человека, будучи в конфронтации со всем другим, культивирует свою внутреннюю способность сохранять собственную идентичность и равновесие в деле критического отношения к реальности, тем самым возвышаясь над разлагающими всякое единство односторонностями.

Таким образом, измерение, превосходящее необходимо воспроизводимые реальностью и поэтому объективные мыслительные формы, может представлять для сознания, и так сказать задним числом, посредством своего обратного проявления через явление собственной тени. Вообще, обнаружение обратного тому, что есть (и утверждается, развивается) в жизни – это дополнение всякой реальности до ее полноты, которая неизбежно утрачивается в каждом «утверждении», в чем-то определенно существующем. Это форма выражения примата действительности и недостаточности, вторичности требования соблюдения априорного синтеза, целостности, генетизма, вообще формальной определенности при обнаружении движения содержания действительности.

Все формальные определенности имеют свое слабое звено, ибо все они представляют собой условное, символическое, приблизительное, насильственное решение неразрешимой задачи охвата чем-то определенным, конечным бесконечности бытия. Потому всякая попытка человека выявить в реальности форму априорной целостности или генетизма должна еще быть принятой бесконечной стихией бытия, обрести санкцию всеобщности. Поистине практикой человек должен доказать мощь, посюсторонность своего мышления, в ней он испытывает природу и свою собственную социальную судьбу, опираясь, говоря словами Эйнштейна

только на то, что оказывает сопротивление. Пособством этого сопротивления, доходящего до возмездия или воздаяния, само бытие обнаруживает себя, отвечая человеку на его дерзкое стремление измерить безмерное, отвечает, приобретая отчужденную от него, необходимо отчужденную субъективность.

Потому всякая формальная определенность требует искупительной жертвы, подлежащей действию стихийной субъективности бытия. Отсюда общественная необходимость фантазий, предвзятостей человеческого сознания, которые, однако, могут играть весьма реальную роль, обратным путем, через процедуру фальсификации, обнаруживая то, что практично, реально, отличается от фантазии. Обратным способом здесь обнаруживается то, что действительность, при всей ее сложности, не простая бессмыслица, иррациональное бытие, что в ней есть что-то родственное человеческому сознанию, хотя и вполне материальное, доступное нашим чувствам и делающее возможным само явление в природе сознательного существа.

Выводы.

Первое. Измерение, позволяющее сознанию видеть реальность в свете превышающей ее наличное состояние объективной перспективы, в неблагоприятных для такого усмотрения условиях, когда сознание очаровано собственными предвзятостями, обнаруживает себя обратным образом, посредством опоры на нечто противоположное искомой объективности, на способность сознания не видеть ничего другого кроме себя, замыкаться в себе и тем самым отрывать от всякой ограниченности.

Второе. Обнаружение, обратное искомому, возможно в силу того, что кроме материи как субстрата окружающего нас материального мира, есть еще необъятное многообразие всевозможных отношений, структурных связей, которыми живет материя, которые, по существу, материальны, но не являются веществом, образуя формальную определенность бытия. Эта формальная определенность и служит основанием явления энантиодромии, появления одного вместо другого.

Третье. Будучи погруженным в собственную субъективность, сознание, опираясь на внутреннюю способность улавливать и выражать отношение, подобие, единство, нечто сохраняющееся даже в борьбе пожирающих друг друга крайностей, оказывается способным сохранять внутренне равновесие и потому вести борьбу против всякой узости, односторонней привязанности, формируя, тем самым, условия для вида реальности в свете превышающего ее наличное состояние измерения.

И последнее. Опыт энантиодромии, появления одного вместо другого, говорит о том, что нужно учиться утрачивать утраченные иллюзии, стремиться делать это. Этот урок позволяет сознанию противостоять «болезни рефлексии» и не утрачивать оптимизма, поскольку принцип негативности, фальсификации действителен и по отношению к самому себе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кабуладзе В. Інтенційність як характеристика емпіричних психічних актів і як трансцендентальна умова можливості досвіду. – Філософська думка. – 2009. – № 9. – С. 84 – 92.
2. Кабуладзе В. Феноменологія до предикативного досвіду. – Філософська думка. – 2011. – № 5. – С. 24 – 39.
3. Іващенко І. Агонія суб'єктивності? Кілька міркувань щодо новелети Артура Шніцлера «Я». – Філософська думка. – 2011. – №1. – С. 113 – 127.
4. Іващенко І. Сингулярність і досвід. Міркування щодо Гегелівської теорії суб'єктивності. – Філософська думка. – 2011. – № 5. – С. 6 – 23.
5. Бескаравайный С.С. Процесс деантропизации мегамашины. – Грани. – 2012. – № 5 (85). – С. 61 – 65.
6. Карасев Л.В. «...Чтобы было видно как днем» (мистика ночного света у Гоголя). – Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 40 – 55.
7. Лифшиц М. А. Карл Маркс. От революционной демократии к научному коммунизму / Искусство и общественный идеал. – электр. ресурс – www.mesotes.narod.ru
8. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 40. – С. 147 – 233.
9. Лифшиц М. А. Феноменология консервной банки. – Электр. ресурс – www.mesotes.narod.ru